

МАРК ЛАНГЕ

BRESLAU
1938

Ojcie,
zgrzeszyłem

Wrocław

18+

Марк Ланге

Ojcie, zgrzeszyłem

«Автор»

2026

Ланге М.

Ojczy, zgrzeszyłem / М. Ланге — «Автор», 2026

Томаш — геодезист из Вроцлава. Он сверяет старые немецкие карты Бреслау с новыми польскими, слой за слоем снимая город, как палимпсест. Днём — тихий служащий. Ночью — убийца, для которого убийство давно стало ритуалом. После каждого он ждёт знакомого тепла под рёбрами — доказательства, что всё сделано правильно. Но однажды тепло не приходит. Точка на карте остаётся незавершённой. И Томаш впервые задаёт вопрос, которого раньше не было: зачем? Он идёт в пустой костёл, к старому ксёндзу, который тоже сорок лет повторял формулу, не спрашивая, что она значит. Повесть о городе, где под асфальтом лежит брусчатка, под штукатуркой — кирпич, под новым текстом — старый, а под человеком — другой человек. О вине без раскаяния, ритуале без веры и молчании Бога.

© Ланге М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Марк Ланге

Ojczy, zgrzeszyłem

Пролог

Он вышел из трамвая на конечной остановке, там, где линия упирается в старый немецкий виадук, и дальше можно идти только пешком. Было двадцать три сорок. Он всегда начинал в это время — достаточно поздно, чтобы улицы опустели, достаточно рано, чтобы трамваи ещё ходили и можно было раствориться в их редком, сонном движении. Ветер тянул с Одера, сырой, тяжёлый, с запахом ила и ржавого железа. Поднял воротник, но не от холода. От привычки.

Шёл по набережной, вдоль парапета, мимо старых немецких доходных домов с облупившейся охрой и тёмными, слепыми окнами. Бреслау. Вроцлав. Знал оба названия, как знал два слоя карты, наложенных друг на друга. Под польским асфальтом — немецкая брусчатка. Под штукатуркой — кирпич. Под новыми жильцами — старые тени. Работал с этим наложением каждый день. Сверял. Совмещал. Подгонял одно к другому. Это была его профессия. Это была его жизнь. Это было единственное, что он умел делать без усилия.

Человек появился в двадцать три пятьдесят две. Раньше, чем вчера. Раньше, чем неделю назад. Шёл со стороны моста, медленно, руки в карманах, голова опущена. Куртка серая, шапка чёрная. Походка неровная — правый шаг короче левого. Старая травма. Или привычка. Томаш отметил это автоматически, как отмечал всё: время, направление, скорость, расстояние до ближайшего фонаря, угол тени, точку, где парапет переходит в откос. Он не выбирал жертву. Жертва выбиралась сама. Появлялась в поле зрения — и просто знал: эта. Не потому, что красивая. Не потому, что жалкая. Просто эта. Как точка, которая ложится на карту без усилия. Как координата, которая сама себя называет.

Пошёл следом. Не близко. Двадцать шагов. Потом пятнадцать. Потом десять. Человек не оборачивался. Вообще не смотрел по сторонам — шёл, уставившись в асфальт, как будто нёс на плечах что-то тяжёлое. Может, и нёс. Может, у него была своя тяжесть. Может, тоже шёл к кому-то. Но это уже не имело значения. Значение имела только точка. Только координата. Только то, что должно было произойти.

Действие заняло меньше минуты. Томаш не торопился, но и не медлил. Он выбрал место заранее — там, где парапет изгибается и образует глубокую нишу, невидимую с дороги. Там догнал. Положил руку на плечо. Человек обернулся — не испуганно, скорее удивлённо, как будто его оторвали от важной мысли. Томаш посмотрел ему в глаза. Не для того, чтобы запомнить. Для того, чтобы убедиться, что это — та самая точка. Глаза были серые, уставшие, пустые. Как у всех.

Потом сделал то, что делал всегда. Быстро. Чисто. Без борьбы. Без крика. Без крови на руках. Инженерное решение, воплощённое в материю. Тело легло на бетон, поджав колени к груди, — та же поза, что и у всех, эмбриональная, инстинктивная. Вода внизу шла мимо — чёрная, без отражений.

Стоял на краю откоса, там, где бетонная набережная переходит в глину, и смотрел вниз. Тело лежало на боку, поджав колени к груди, — та же поза, что и у всех, инстинктивная, эмбриональная, будто человек и в последнюю секунду надеялся, что его ещё можно вернуть в утробу, отменить, отмотать. Вода шла мимо — ровно, без отражений, чёрная, как старая типографская краска. Он фиксировал: температура воздуха плюс три, влажность высокая, ветер северо-западный, порывистый. Всё сходилось. Он всегда начинал с погоды — это был его личный

репер, точка отсчёта, от которой выстраивалась любая геометрия. Погода не врала. Погода не притворялась. Погода была тем, чем была.

Дальше — тело. Пульс на шее отсутствовал. Зрачки расширены, реакции нет. Дыхание — нет. Всё по протоколу. Он проверил ещё раз, потому что за сорок четыре года привык не доверять первому измерению — только второму, контрольному, тому, которое делаешь через минуту, когда рука уже не дрожит, а мозг уже не спешит. Второе измерение совпало с первым. Значит, работа сделана. Значит, точка нанесена. Значит, можно выдохнуть.

Выдохнул.

И ничего не произошло.

Ждал. Не как человек ждёт — как прибор ждёт. Внутри должно было подняться тепло — то самое, знакомое, тяжёлое, поднимающееся откуда-то из-под рёбер, как ртуть в старом термометре, которую он в детстве любил смотреть, когда мать мерила ему температуру. Тепло приходило всегда. Оно было частью процедуры, как последняя точка в конце абзаца, как замыкание цепи, как щелчок замка в патроннике. Он привык к нему. Он рассчитывал на него. Без него вся операция теряла смысл — как чертёж, который сверили со всеми координатами, но забыли поставить печать. Незавершёнка.

Тепла не было.

Постоял ещё минуту — ровно минуту, он следил по часам, — и проверил в третий раз. Пульс, зрачки, дыхание. Всё то же. Всё верно. Всё на своих местах. Кроме одного.

Выпрямился. Посмотрел на свои руки — чистые, сухие, ни одной царапины. Руки знали своё дело. Руки не подвели. Посмотрел на реку — чёрная, без отражений. Посмотрел на город — серый, мокрый, чужой. Вроцлав. Бреслау. Оба названия жили в нём одновременно, как два слоя карты, наложенные друг на друга, — немецкая готика под польским бетоном, старые фундаменты под новыми тротуарами. Всю жизнь работал с этим наложением: сверял, совмещал, подгонял одно к другому. И теперь, стоя над телом, он впервые почувствовал, что и сам — наложение. Два человека в одном теле. Один знал, что делать. Другой — не знал, зачем.

И тогда, в этой тишине, когда адреналин ушёл, а ветер с Одера тянул сыростью и чем-то ещё — старым, подвальным, — в пустую голову вполз первый вопрос. Не тот, которого он ждал. Не «получилось ли». А другой. Чужой.

А зачем?

Он не ответил. Не потому, что не знал. А потому, что впервые за двадцать лет у него не было ответа. Ответ всегда был: так надо. Так правильно. Так заведено. А сейчас слова «так заведено» висели в воздухе и ничего не подпирали. Пустота за ними была глубже, чем река. Глубже, чем Бреслау. Глубже, чем всё, что он знал о себе.

Постоял ещё немного. Потом развернулся и пошёл к трамвайной остановке. В кармане лежал сложенный вчетверо старый план города — немецкий, 1938 года, — и он сам не помнил, зачем взял его сегодня. Скорее всего, просто по привычке. По той же привычке, по которой убивал.

Глава 1

Он проснулся в пять минут седьмого — как просыпался двадцать лет, без будильника, потому что тело давно перестало нуждаться в механических напоминаниях и само знало время, как знают его старые часы, которые никогда не переводят, потому что они идут точно, а если и отстают, то на минуту, и эта минута никого не волнует. Тело знало. Тело помнило. Тело было единственной частью его, которая ещё работала без сбоев.

Что такое тело, которое знает? Это не память. Память можно потерять. Это не привычка. Привычку можно сломать. Это ритм. Тот же ритм, который заставляет сердце биться, а лёгкие дышать, не спрашивая разрешения. Тело, которое знает, — это тело, в котором воля давно перестала участвовать. Оно живёт само. Как живёт машина, которую забыли выключить. Как живёт город, в котором давно не осталось жителей. Как живёт ритуал, который совершают, потому что так заведено, а не потому, что в него верят.

Квартира была маленькой, чистой и симметричной, и он снимал её двенадцать лет — не потому, что она ему нравилась, а потому, что переезд означал бы перемены, а перемены означали бы необходимость что-то решать, а решать он не любил. Две комнаты, кухня, ванная. В комнатах — ничего лишнего: стол, стул, кровать, шкаф. На стенах — ничего. На подоконнике — ничего. На холодильнике — ничего. Только на письменном столе лежали карты — старые, немецкие, 1938 года, и новые, польские, — и он работал с ними каждый вечер: сверял, совмещал, искал несоответствия. Это была не работа. Это была привычка. Как чистить зубы. Как заваривать чай. Как убивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.